

КРОКОДИЛ

№ 24 ● август ● 1982

ISSN 0130-2671

МНЕ 60

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

ЮБИЛЕЙ НАШ И ВАШ

...27 августа 1922 года. Очереди у газетных киосков. У людей несколько удивленный вид: с первой полосы доселе безымянного приложения к «Рабочей газете» скалится, прорвав бумагу, красная свирепая физиономия экзотического животного — крокодила.

НЕОЖИДАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ...

Это родилось новое издание. «Крокодил». Почему именно «Крокодил»? Ведь крокодилы не водятся на территории нашей страны. Вернее сказать — не водились до 27 августа 1922 года, когда появился сатирический журнал со всеми повадками настоящего крокодила: он оказался смел, агрессивен по отношению к своим врагам, стремителен в броске, не жаловался на плохой аппетит.

Короче, «Крокодил» с самого начала взял курс на искоренение всего того, что мешало народу строить новое, социалистическое общество, он сделался защитником честного труженика, непримиримым врагом глупых, жадных, равнодушных...

Тираж журнала стремительно рос: сто тысяч, двести, полмиллиона экземпляров. Сейчас почта доставляет во все концы нашей страны, а также во многие зарубежные государства почти шесть миллионов «Крокодилов».

За шестьдесят лет журнал остался верен принципам, которые были сформулированы в день его рождения: всегда находиться на переднем рубеже борьбы за построение нового общества...

Чем живет сейчас журнал? Теми же заботами, что и его читатели: выращивать и сохранять урожай, добывать металл, строить дома, налаживать быт, бороться за мир на земле...

Одна из главных задач сегодня — воплощение в жизнь Продовольственной программы. Как всегда, «Крокодил» рассчитывает на помощь своих читателей.

Второе значение слова «крокодил» прочно вошло в наш язык. И, пожалуй, никто не удивится, если на вопрос ребенка «Что такое крокодил?» — папа или мама ответит:

— Это журнал.

В предъюбилейные дни редакция получала письма с поздравлениями, пожеланиями читателей. От всей души — спасибо.

Наш праздник — это ваш праздник, дорогие друзья!

Алим КЕШОКОВ

МОРЕ И ВИНО

Кораблекрушенье увидел утес
И, стоя над бурей, в тоске произнес:
— Наверно, о море, немало людей
Сыскало погибель в пучине твоей?

И море, волну изгибая дугой,
Ему отвечало:— Учти, дорогой,
Я бурям подвластно, но больше вдвойне
Погибло людей в безмятежном вине.

ЦЕНА ГНЕВА

На отчий лес медведь во гневе был
И, побороть в себе не в силах гнева,
Пустился сокрушать что было сил
Деревья он направо и налево.

Дров наломал немало, говорят,
И рухнул, обессиленный, в малине,
Где был легко охотниками взят
И на потеху в цирке пляшет ныне.

СЕРЫЙ ВОЛК И СВЯЩЕННЫЙ КОРАН

Надумал волку серому чабан
Читать, как правоверному, коран,
Чтоб о душе подумал наконец
Он, беспощадно резавший овец.

Листалась за страницею страница,
И волк вздыхал под пологом небес,
А в это время серая волчица
Овцу тащила из отары в лес.

«ВХОД ПОСТОРОННИМ ВОСПРЕЩЕН»

«Вход посторонним воспрещен!»
И я, привыкший чтить закон,
Туда проникнуть не стараюсь,
Где посторонним я считаюсь.

И не возьмет меня досада,
Когда, от жизни отлучен,
Прочту я на воротах ада:
«Вход посторонним воспрещен!»

Перевел с кабардинского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

ЖАЛЕЮ ЗВЕРЕЙ

Иронические стихи

Жалею зверей в зоопарке.
И в цирке мне жалко зверей.
Как люди на зрелища падки.
Когда же мы станем добрей?

И лев уже ходит под кличкой.
Барьер на манеже берет.
И царскую гордость публично
Меняет на бутерброд.

А некто, втираясь в доверье,
Устроил аттракцион:
И в пасть онемевшему зверю
Сует свою лысину он.

Лев нежно обходится с нею...
И, занятый скучной игрой,
Мне кажется много умнее,
Чем этот манежный герой.

Жалею зверей в зоопарке,
У леса украденных птиц...
Вон той молодой леопардке
Все хочется клетку открыть.

Не терпится выйти на волю,
Вернуться в былую судьбу.
Но приступы гнева и боли
Весьма забавляют толпу.

Ей дети бросают конфетки.
Наверно, жалеют ее.
За что красота эта в клетке?
И в чем провинилось зверье?!

Я взглядом встречаюсь с гориллой.
В глазах у гориллы упрек:
«Я предков тебе подарила,
А ты нас в неволю упек...»

И вдруг осенил меня предок
Печальной догадкой своей:
Ведь им безопасней из клеток
Соседствовать с миром людей.

«ФИТИЛЬ» — «КРОКОДИЛУ»

Крокодилу — шестьдесят!
Несомненно, это дата!
И «Фитиль» поздравить рад
Возмужавшего собрата.

Что же можно пожелать
В день такого юбилея?
Верно линию держать,
Проходимцев не жалея!

Сергей МИХАЛКОВ, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии.

— Алло! Это Крокодил?

— Да. Это Крокодил.

— Вам действительно на днях исполняется шестьдесят лет?

— Действительно. А кто говорит?

— Говорят из бюро предъюбилейных добрых услуг. Мы выполняем любые желания. У вас, надеемся, есть желания?

— Конечно, есть. Сколько можно загадывать?

— Только одно. Вам отпускается ровно тридцать секунд.

— Но я хотел бы знать...

— Двадцать пять секунд...

— Однако...

— Пятнадцать секунд...

— Все-таки я...

— Десять...

— Хочу быть вечно молодым!

— Заказ принят. Ваш номер три тысячи в третьей степени восемьдесят три. Теперь слушайте внимательно. Вы должны совершить путешествие на Край земли и найти там самое-самое удивительное.

— Однако, — пробормотал Крокодил,— это трудно... Учитывая мой возраст... стаж работы. Я видел за шестьдесят лет столько...

— И все-таки это непременные условия. Иначе заказ аннулируется.

— Эх, на что не пойдешь, чтобы остаться молодым,— вздохнул Крокодил и собрал своих корреспондентов.

Когда все расселись в Продолговатом зале редакции, Крокодил несколько торжественно сказал:

— У каждого из вас в блокнотах хранится немало удивительного и необычного. Плохого и хорошего. Масштабного и не очень масштабного. Проблемного и не совсем проблемного. Немало за шестьдесят лет мы проехали, прошли, пролетели, проплыли. Бодрость и энергия всегда сопутствовали нам. И вот, чтобы навсегда сохранить молодость, нам в канун юбилея надо совершить путешествие в самые отдаленные точки страны и найти самое-самое удивительное. Сумеем, друзья?

— Попробуем, — ответили крокодильцы.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КРОКОДИЛА НА КРАЙ ЗЕМЛИ,

ТУДА, ГДЕ СТРОЯТ АЛЮМИНИЕВЫЕ ДОМА, ГДЕ НОЧНЫЕ СТОРОЖА ДЕЖУРЯТ В ТЕМНЫХ ОЧКАХ, ГДЕ БЕГАЮТ ГИБРИДЫ МИКРОАВТОБУСА И ТРАКТОРА, ГДЕ ВОДЯТСЯ ЛЕТАЮЩИЕ ОЛЕНИ, ГДЕ МАННА НЕБЕСНАЯ ЯВЛЯЕТСЯ РЕАЛЬНЫМ БЛЮДОМ, ГДЕ ПЛАВАЕТ ПОЛИВИТАМИННАЯ РЫБА, ГДЕ В СУГРОБАХ ЗЕЛЕНЕЮТ ОГУРЦЫ, ГДЕ ДАЛЬШЕ ЕХАТЬ НЕКУДА.

Удивления начались еще до начала путешествия. Накануне Крокодил получил невероятную метеосводку.

— Утро безоблачное, ветер слабый, термометры покажут плюс пятнадцать градусов,—прочитал Крокодил и обратился к своим спутникам:—Погодка улыбается! Из дома можно выйти налегке... Что такое?! После обеда ожидается резкое похолодание до минус двадцати... Придется захватить шубы!..

В наше время такое случается. Стоило крокодильцам отобедать чем Аэрофлот послал, произошла внеочередная смена времен года. Крокодил и его спутники перенеслись из теплого московского лета в снежную хатангскую зиму.

«М-да... Север есть север,—подумал Крокодил и облачился в теплые доспехи: овчинный тулуп, валенки и шапку-ушанку.—Может, в сугробах придется ночевать...»

Но его ожидал сюрприз. В Хатанге на Таймыре крокодильцев встретил командир местного авиапредприятия Ю. А. Филимонов и сказал:

— Ночевать будете здесь.

Крокодил оторопело смотрел на гостиницу из алюминия. Вокруг возвышались башенные краны.

— Мы много строим,—продолжал Ю. А. Филимонов.—А знаете, как доставляем материалы? По воздуху.

Крокодил записал этот любопытный факт в блокнот.

Спать пришлось лечь засветло. Это потому, что у дневного светила бессонница. В Хатанге целыми сутками напролет шпарит солнышко, и даже ночные сторожа вынуждены дежурить в темных очках.

Утром крокодильцы, поеживаясь от морозца, ждали оленью упряжку, но неожиданно подкатил какой-то гибрид микроавтобуса и трактора на гусеничном ходу.

Вездеход—это название автотранспортного гибрида напрашивалось само собой—резво бежал по снежной целине тундры. За окошками мелькали крошечные, словно только что посаженные пионерами березки. Но водитель объяснил, что деревья уже совершеннолетние, просто в Заполярье они карликовые.

Остановились в совхозе «Ары-Мас», что в переводе означает «Зеленый Мыс».

— Почему именно «зеленый», ежели вокруг белым-бело?—опять удивился Крокодил, но директор совхоза В. В. Павлов объяснил, что где-то в августе окрестные пейзажи ненадолго позеленеют.

Крокодильцы рассказали собравшимся в Доме культуры рабочим совхоза об истории журнала и планах на будущее. И, в свою очередь, узнали, что хозяйство разводит оленей, сдает в год на двенадцать тысяч рублей пушнины, тысячу центнеров рыбы и три тысячи штук куропаток.

— Работе помогает то, что наш совхоз многонациональный,—заметил директор В. В. Павлов.—Так сказать, опыт разных национальностей. Дружно трудятся русские, долгане, украинцы, нганасане, ненцы, казахи, хакасы, якуты... Ну, а о том, как мы уважаем юмор, не даст соврать цифра: в совхозе живет сто двадцать семей, половина из них—подписчики «Крокодила»...

Раньше коренные жители Таймыра долгане ездили на оленях и собаках. Современная долганка Христина Николаевна Фалькова пересела с бегущего оленя на летающего: пользуется в основном воздушным транспортом. Обычно она арендует на целый день вертолет.

Иначе Христине Николаевне не управиться со своими делами. От центральной усадьбы совхоза «Советский Таймыр», где она работает директором, до разбросанных по тундре бригад оленеводов, рыбаков, охотников только вертолетом можно долететь.

Этот портрет Христины Николаевны исполнен на высоком уровне: на высоте полета МИ-8.

— Смотрите!—изумленно воскликнул Крокодил, когда вертолет приземлился.—К нам со всех сторон почему-то сбегаются олени!

— Это они за манной небесной,—улыбнулась Христина Николаевна.—Сейчас олешки не очень-то утруждают себя поисками ягеля под ногами, а облизываясь смотрят вверх в ожидании вертолета, который возит концентраты.

В гостеприимном домике оленеводов Христина Николаевна угостила крокодильцев фирменным северным блюдом.

— В строганине есть все необходимые для человеческого организма витамины,—утверждала она, тонко обстругивая мороженую рыбину,—и те, что в лимонах и апельсинах...

— И грейпфрутах?—спросил Крокодил.

— И в грейпфрутах и мандаринах...

Витамины в виде цитрусовых ныне продаются во всех местных продмагах. Но строганина-то лучше!

— Надо включить в свой рацион поливитаминную строганину!—решил Крокодил и записал в блокнот рецепт заполярного яства.

Очередное удивительное сообщение Крокодилу преподнес секретарь Хатангского райкома партии А. И. Пожадаев.

— Знаете ли вы, что геологи утверждают, будто в нашем районе есть нефть?

СМ. СТР. 5.

МЕНЯ ПОЗДРАВЛЯЮТ

В силу специфики своей работы Крокодил всегда был не только критичен, но и самокритичен. Он враг какой бы то ни было помпы. Поэтому и собственный юбилей он хотел встретить по-деловому, в рабочем, как говорится, порядке, без оркестра, цветов и приветственных речей. Однако это желание не совпало с желанием его друзей, многие из которых считают себя прямыми коллегами Крокодила. Кое-кто из них явился лично, чтобы выразить журналу теплые чувства, другие из-за своей занятости прислали поздравительные адреса. Крокодил был, естественно, и смущен и польщен. И решил эти приветствия обнародовать. В виде исключения, разумеется.

Н. А. ЩЕЛОКОВ, министр внутренних дел СССР

«Наша служба и опасна и трудна»,— поется в известной песне из телевизионной серии «Следствие ведут Знатоки». И мне кажется, что эти слова можно отнести и к вам, сатирикам. Мы с вами всегда на боевом посту, всегда готовы вступить в жестокую схватку с теми, кто еще мешает нашей светлой, прекрасной жизни. Наши с вами противники хитры, коварны, они готовы на любую подлость, чтобы скомпрометировать нас, бойцов справедливости. Поэтому желаю вам стойкости, зубастости, а также оптимизма, без которого нельзя работать ни в милиции, ни в сатире!

Могу привести и еще один пример, подтверждающий нашу совместную работу: «Крокодил» рука об руку с ГАИ МВД СССР проводит литературно-художественный конкурс, посвященный безопасности движения,— «Эх, прокачу!». Дорожные правила должны быть усвоены всеми. А благодаря острой форме, в которую вы эти правила облекаете, усвоение идет лучше, быстрее. Желаю успеха! Так держать!

А. М. РЕКУНКОВ, Генеральный прокурор СССР

Можно без натяжки сказать, что мы с вами делаем одно общее дело: следим за тем, чтобы не нарушались нравственные принципы жизни нашего общества. Только средства воздействия применяем разные: у нас они правовые, у вас — сатирические. Вы перевоспитываете словом, мы — строгой силой закона. Когда надо, эти два могучих воспитателя идут рука об руку — ваше критическое слово часто становится для нас основанием к действию.

Разрешите поздравить вас со знаменательной датой и пожелать острого гражданского взгляда, точного сатирического прицела. И отменных вам правовых знаний — они всегда помогут в делах ваших.

Поздравляю Крокодила с его юбилеем, желаю успехов в борьбе с головотяпами, чинушами и просто хулиганами!

[подпись]

А. П. АЛЕКСАНДРОВ, президент Академии наук СССР

Г. М. ГРЕЧКО, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза

Умеют ли крокодилы летать? Говорю с полной ответственностью: умеют, да еще и в космосе! Без всяких шуток. Когда мы летали вместе с Романенко, с нами на борту «Салюта» была елочная игрушка — маленький крокодильчик, память о доме. Так что символ вашего журнала совершил орбитальное путешествие!..

Должен еще сказать, что между вами и нами имеются творческие контакты. Группа психологической поддержки специально устраивает для космонавтов, находящихся в длительном полете, телепрограммы с участием известных артистов, в том числе и сатириков. Репертуар для этих программ сочиняют многие крокодильцы. Ваши произведения — рассказы, шутки, анекдоты, «Нарочно не придумаешь» — улучшают настроение, помогают восстановить работоспособность и на Земле и в космосе! Спасибо вам за это!

Желаю крокодильцам космонавтского здоровья, бодрости, неизбывного остроумия. Пусть ваш юмор будет конкретен, социален и никогда не испытывает «состояния невесомости»!

Т. С. МАЛЬЦЕВ, полевод колхоза «Заветы Ильича» Курганской области, дважды Герой Социалистического Труда

Дорогой Крокодил!

Прими поздравление с шестидесятилетним юбилеем от твоего коллеги — хлебороба из Зауралья.

Да-да, не удивляйся, пожалуйста, мы с тобой коллеги, хотя я, признаться, ни разу не писал ничего похожего на юмор и сатиру. Но ведь главная задача работника земли — это уничтожение сорных растений, мешающих растениям культурным. А задача Крокодила, насколько я понимаю,— уничтожение сорняков на ниве общественного сознания.

Так что, как видишь, твоя и моя работа аналогичны по своей направленности: борьба со всяческими сорняками, мешающими добрым людям жить.

И плоды такой твоей работы, без сомнения, принесут пользу советским людям, обществу, всей нашей великой Родине, которая скоро отметит юбилей — 60 лет со дня создания Союза Советских Социалистических Республик.

Всякое поздравление должно завершаться пожеланием. Людям обычно желают здоровья, долгих лет жизни и счастья. Тебе же, дорогой Крокодил, я желаю болеть. Болеть за наше — советских людей — здоровье, наше счастье и наше благополучие. И эта боль должна быть острой... и в то же время веселой и задорной.

Расул ГАМЗАТОВ, народный поэт Дагестана

В связи с юбилеем моего славного кунака Крокодила я бы сделал на его вилах золотую насечку, как это умеют знаменитые дагестанские мастера из села Кубачи: «СМЕХ — ОРУЖИЕ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ. ЗУБОСКАЛЬСТВО НЕДОСТОЙНО ИСТИННОГО ДЖИГИТА. ЛУЧШЕ ЗАСМЕЯТЬСЯ ОДИН РАЗ В ЖИЗНИ, НО ПО ДЕЛУ, ЧЕМ ХОХОТАТЬ КАЖДЫЙ ДЕНЬ, НО ПО ПУСТЯКАМ!»

Георгий ДАНЕЛИЯ, кинорежиссер, народный артист РСФСР

В одном селе жили муж и жена. Он был тихий, скромный, говорил очень вежливо и застенчиво. А она была суматошной, болтливой и насмешливой. Соседи удивлялись: как они могут жить под одной крышей, такие разные? Люди не понимали простой вещи: супруги любили друг друга, и каждый ценил в другом те качества, которых не было у него самого. А сын их сочетал в себе и тонкий лиризм отца, и беззаботную веселость матери. И, естественно, стал писателем-юмористом...

От всей души желаю, чтобы в «Крокодиле» злая сатира уживалась с философским юмором, чтобы они гармонично дополняли друг друга и чтобы от них рождались здоровые, крепкие и талантливые дети — номера вашего журнала!

Игорь ИЛЬИНСКИЙ, народный артист СССР

Я хорошо помню первые номера «Крокодила». Мне тогда шел двадцать второй год, и я работал в театре у Мейерхольда. Маяковский любил этот театр, принес сюда свою «Мистерию-буфф». Печатался он и в «Крокодиле». Вот какая выстраивается цепочка. «Крокодил» — Маяковский — Мейерхольд...

В очень хороших отношениях был я и с Михаилом Михайловичем Зощенко. Мне довелось читать со сцены многие его рассказы, которые тоже публиковались в вашем журнале...

Подумать только — шестьдесят лет уже пролетело! Ну, просто незаметно!.. Должен засвидетельствовать как очевидец: за эти годы «Крокодил» не разменял на пустяки и на мелочи своего боевого духа, не изменил своему высокому сатирическому предназначению. Я рад поздравить товарищей крокодильцев с памятной датой и пожелать им и впредь высоко нести знамя Маяковского, Зощенко, Кольцова, Ильфа и Петрова, других сатириков, которые стояли у истоков журнала.

Лев ЛЕЩЕНКО, заслуженный артист РСФСР

Мое активное «приобщение» к «Крокодилу» началось пять лет назад: я с большим интересом следил за конкурсом шуточных песен, который проходил на ваших страницах. Именно тогда вы впервые напечатали ставшие затем такими популярными «Песенку о веселом сапожнике» Д. Тухманова и «То ли еще будет!» Э. Ханка. А когда редакция предложила мне спеть одну из песен-победительниц для пластинки, выходившей на фирме «Мелодия», я тут же согласился. Могу отметить без ложной скромности: сейчас диск «Песни Крокодила» превратился в филофоническую редкость!

Сегодня, поздравляя наш самый главный сатирический журнал с юбилеем, желаю ему и впредь дружить с музыкой, с песней. А если вы надумаете повторить ваш песенный конкурс, то буду рад принять в нем самое деятельное участие!

Рисунки Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Начало на стр. 3.

По тому, с каким воодушевлением Анатолий Иванович говорил о черном золоте, чувствовалось, что ему очень и очень хотелось верить геологам. И геологи не подвели Пождаева: недавно буровики Северо-Сулемской скважины нашли нефть.

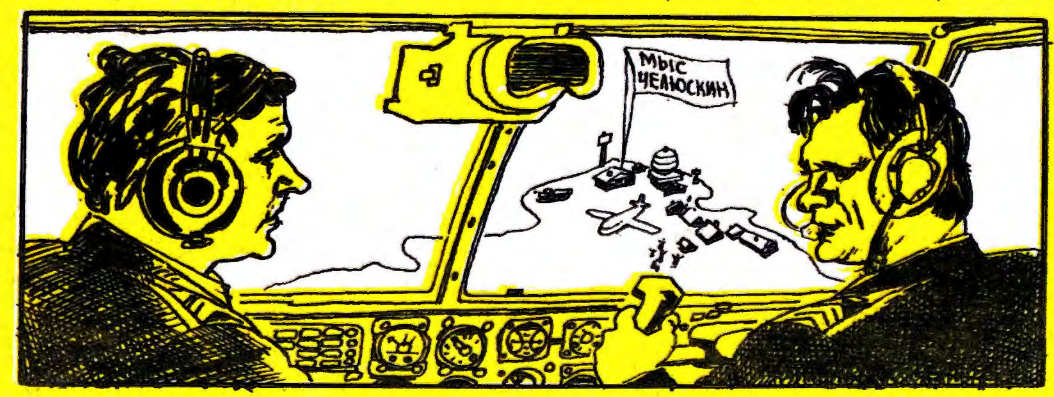

Поселок буровиков находится ближе к морю Лаптевых, чем к Хатанге.

— Живем тут посменно: неделю на Северо-Сулемской площадке, а три недели — дома, в Хатанге,— рассказывал крокодильцам в своем комфортабельном домике буровых дел мастер В. Н. Паньков.— Удобства тут стабильные: четкое изображение на экранах цветных телевизоров «Чайка» гарантирует космический спутник связи, а «Крокодил» регулярно доставляют летчики гражданской авиации...

— И как только жилось на Таймыре в доаэрофлотовскую пору? — размышлял Крокодил.— В наше время без авиации на Крайнем Севере и дня не обойтись!..

— Когда Севморпуть скован льдами,— подкрепил рассуждения Крокодила о роли воздушного флота начальник Красноярского управления гражданской авиации А. Т. Халин,— все народнохозяйственные перевозки ложатся на наши крылья.

Знаменитого пилота В. В. Секачева Крокодил запечатлел в кабине Ан-26.

— Верно схвачено: справа — я, слева — Валера,— доверив управление самолетом своему воспитаннику Валерию Иванову, рассматривал рисунок Вячеслав Васильевич.— Самое примечательное в моей биографии — это сам факт рождения. Родился я сразу же полярником: отец мой полярник, мать — полярник, а у моей колыбели стоял прославленный полярник Евгений Иванович Толстиков. Короче, я первый полярный летчик, появившийся на свет на полярной станции. И, надеюсь, не последний,— улыбнулся В. В. Секачев.

Во время своего юбилейного путешествия по Крайнему Северу Крокодилу доводилось встречаться и с юбилярами. Одному из них еще не было и тридцати, но он имел прямое отношение к шестидесятилетнему юбилею. Этим молодым, да ранним юбиляром оказался начальник одной из северных пограничных застав капитан А. Б. Бахвалов.

О том, что он командует одной из самых северных погранзастав, свидетельствует заметка в газете. Точнее, очерк «О династии Бахваловых, которая вот уже 60 лет стоит на страже завоеваний Советской власти».

— Это о семье нашего начальника,— с гордостью уточнил замполит И. М. Антошин.— Его отец тоже служил на границе, а дед был чекистом.

— Ба, да мы с вашей династией ровесники! — обрадовался Крокодил.— От души поздравляю!

Рядом с заставой играли сыновья Бахвалова и Антошина — шестилетний Юра и пятилетний Сергей. Они родились на границе, играют в пограничников и наверняка продолжат славные традиции отцов и дедов...

На Крайнем Севере было столько интересного и необычного, что Крокодил, казалось, перестал удивляться. И все же встреча в старейшем научном учреждении Заполярья — гидрометеорологической обсерватории оказалась и приятной и удивительной. Началось с приятного: Крокодилу снова выпала честь поздравить юбиляра. На этот раз — золотого.

Гидрометобсерватория родилась в 1932 году для обслуживания Севморпути. И хотя она давно отпочковалась от морского ведомства, названия ее служб овеяны морской романтикой: кают-компания, радиорубка, камбуз...

Выйдя из кают-компании, Крокодил неожиданно услышал нечто похожее на поросячий визг.

— Ишь, как хавроньи расхрюкались! — будто смущаясь за возмутителей академической тишины, заметил главный инженер гидрометобсерватории

В. И. Гирский.— За тем сугробом наша подсобная свиноферма.

Две лоснящиеся хрюшки центнера эдак на два каждая возлежали, томясь от тучности, а четыре поджарые нагуливали вес.

— А где заготавливаете корма? — в который раз за время заполярного вояжа изумился Крокодил.

— Используем пищевые отходы,— объяснил главный инженер.— А сено поставляют из Архангельской области.— Тут главный инженер замялся:— Помоги, дорогой Крокодил, обратиться через твой журнал к селекционерам. Пусть пришлют породистого кабанчика для увеличения свиньячьего поголовья. А то старый хряк, на беду, преставился.

Выйдя из фермы, крокодильцы приметили на фоне снега яркое пятно оранжереи.

— Поставляем в столовую свежие огурцы, помидоры, редиску, зелень,— показал свое тепличное хозяйство радист по профессии и агроном в свободное время Н. М. Романьков.— По мере возможности включились в решение задач Продовольственной программы. И еще: каждый сотрудник ведет личное подсобное хозяйство.

У самого Николая Миновича целый домашний огород на подоконнике. Радушный хозяин угостил крокодильцев свежим огурчиком прямо с грядки.

Сотрудники гидрометобсерватории настолько увлечены огородничеством, что возделывают овощные культуры даже на работе. Например, в метеокабинете все приборы — от традиционного барометра до новейшей установки «Ветер» — сплошь увиты огуречными усиками. Но это отнюдь не мешает метеорологу Н. А. Хрычевой аккуратно «делать погоду». Отодвинув зеленые усики с экрана измерителя высоты облаков, метеоролог выдала прогноз:

— В ближайшие сутки ожидается незначительная облачность, облака слоисто-кучевые. Видимость хорошая.— И улыбнувшись, подытожила словами популярной песни:— Для кого-то просто летная погода.

— Это для нас,— сказал Крокодил.— Скоро — в путь!

И вот наконец крокодильцы достигли цели северной одиссеи, ступив на Край земли! На самый что ни на есть настоящий! Об этом предупреждала табличка на деревянном столбе:

Ну, что из себя представляет Край земли? Впереди, за утесом,— Ледовитый океан, справа — море Лаптевых, слева — Карское море. На снежных торосах следы белых медведей. Дальше — некуда...

В первом путешествии Крокодила сопровождали специальные корреспонденты Е. ДУБРОВИН, В. КАНАЕВ и В. МОЧАЛОВ.

Крокодил перелистал свой блокнот и покачал головой. Конечно, много удивительного на севере, но вдруг это не удовлетворит бюро предъюбилейных добрых услуг?

И он решил лететь на юг.

СМ. СТР. 7.

Нам в редакцию письма пишут разные, в том числе и о делах международных. Советские люди гневно клеймят вашингтонских «ястребов», маниакально раскручивающих маховик гонки вооружений. Мы ознакомили с этими письмами поэта-сатирика Сергея Михалкова и карикатуриста Марка Абрамова и попросили их откликнуться на мнения наших читателей о происках врагов мира. Что они и сделали.

ЗАВЕТНЫЙ КЛЮЧ

Есть разные ключи для всех замков на свете —
Ключи любых систем, любой величины,
И среди них один, что держится в секрете,—
Ключ от замка для ядерной войны.

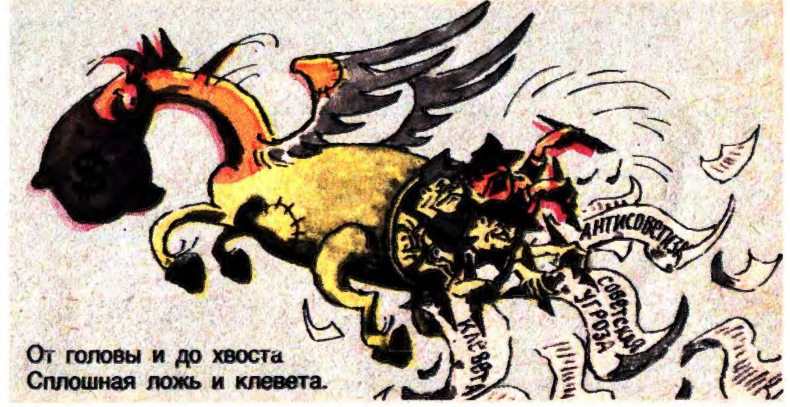
Один лишь поворот, и грозная ракета
Пойдет на цель. И в этот же момент
Свой смертный приговор
подпишет вся планета —
За континентом континент!

Но если ты — поэт
и веришь в силу слова,
Найди заветный ключ
к сердцам людей Земли,
Которые в борьбе
Мир отстоять готовы,
Чтоб развязать войну
другие не могли!

Для ядерных ракет
Открыт зеленый свет.

Этот дьявольский баллон
Изготовил Пентагон,
Чтоб химической войной
Задушить весь шар земной.

От головы и до хвоста
Сплошная ложь и клевета.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КРОКОДИЛА НА КРАЙ ЗЕМЛИ,

ТУДА, ГДЕ БОТИНКИ ТОНУТ В АСФАЛЬТЕ, А ОТ СОЛНЕЧНОГО УДАРА СПАСАЕТ ШАПКА-УШАНКА, ГДЕ ВСЕ ОТ МАЛА ДО ВЕЛИКА — ПОГРАНИЧНИКИ, ГДЕ ЗМЕИ ЖИВУТ В ОБЩЕЖИТИИ И ПЛЕЩЕТСЯ МОРЕ ЖИВОЙ ВОДЫ.

— Дорогой Крокодил, будем очень рады твоему приезду! Только не забудь одеться по сезону. У нас тут за сорок градусов в тени! — Далекий южный абонент кричал в трубку с таким темпераментом, что невольно приходила мысль: человеку с голосовыми связками эдакой мощности вовсе не обязательно прибегать к услугам междугородной телефонной связи.

— Хм, одеться, — усмехнулся Крокодил. — Сказали бы уж прямо — раздеться по сезону.

И, поменяв северную экипировку на темные очки, шорты и футболку, отправился в свое второе путешествие — на южную оконечность нашей страны.

• • •

...Солнце плавало в раскаленном туркменском воздухе. Все тенистые места ашхабадского аэропорта были давно и намертво заняты спасающимися от зноя.

Мимо животворной тени, по размягченному до пластилинового состояния асфальту спокойно и с достоинством шел человек в... зимней шапке-ушанке.

— Ничего удивительного, — перехватил изумленный взгляд Крокодила его старинный друг и коллега по жанру Токмак (то есть Колотушка), выпускающий в республике сатирический журнал с одноименным названием. — Меховая шапка — это веками испытанный способ защиты от жары. Она сохраняет постоянную температуру. Снаружи, скажем, под плюс пятьдесят, а под шапкой — всего тридцать шесть и шесть.

— Да нет, — попытался скрыть свою неосведомленность Крокодил. — Просто я удивился тому, как он ее достал, эту дефицитную кроличью ушанку...

• • •

— ...Хотите взглянуть на обломок Российской империи? — спросили крокодильцев гостеприимные кушкинцы. Крокодильцы захотели взглянуть.

В начале века согласно царскому повелению на четырех крайних точках государства было воздвигнуто по гигантскому каменному кресту. Амбициозным символом незыблемости дома Романовых должны были стоять эти громады. От трех — северного, восточного и западного — не осталось и следа. А вот южный сохранился. Стоит по сей день на холме этот уцелевший монумент. Не стали его сносить потому — так, во всяком случае, объяснили крокодильцам, — что по-другому заговорил символ, напоминая о том кресте, который поставил народ на царизме и всем, что с ним связывалось...

Если говорить о Кушке, самым частым словом будет слово «самый». Крокодил познакомился с самым южным жилым домом страны. С самой южной железнодорожной станцией. Покупал свежие газеты в самом южном киоске, пил газировку из сатуратора, стоящего на самом юге. И, разумеется, побывал у самых южных пограничников.

— Вообще-то данные о погранвойсках — это военная тайна, — сказал крокодильцам замполит контрольно-пропускного пункта «Кушка» Юрий Чуприна. — Но вам я, уж так и быть, откроюсь: пограничников на Кушке как раз ровно столько, сколько человек живет в городе. Все кушкинцы и есть пограничники, все — наши помощники: дети, взрослые, старики. Граница — дело серьезное. Государственное. Вот, к примеру, не так уж давно трое мальчишек...

Крокодил расчехлил авторучку, приготовившись записать что-то вроде того, как трое пионеров задержали матерого нарушителя, но Чуприна, усмехнувшись, продолжил:

— ...сорвали нам учебу...

— Как же так? — разочарованно протянул Крокодил, зачехляя авторучку.

— Командование разработало план учений: в приграничную зону со всеми предосторожностями пробирались учебные нарушители. Так эти мальцы — Олег Савилов с приятелями — увязались за незнакомцами, заговорили, отвлекли их... Тем временем один из хлопцев прибежал к пограничникам, поднял всех в ружье... Словом, поломал все планы — взяли мы «нарушителей» задолго до намеченного срока.

— Так это же здорово! — снова расчехлил авторучку разулыбавшийся Крокодил.

— Конечно. Да так, собственно, и должно быть. Нам здесь все помогают. Кстати, и ты, Крокодил, тоже. Тут недавно Володя Якимов, редактор нашей стенгазеты «Не в бровь, а в глаз», очередной номер готовил, и понадобилось ему нарисовать хавроний, да посмешнее. А где искать смешной рисунок, как не в «Крокодиле»? Полистал Володя подшивку и, разумеется, нашел, что требовалось... А теперь пойдемте, познакомлю с нашей Тайгой...

И Крокодилу со всей торжественностью представили гордость пограничников — овчарку Тайгу. Собаку, без ошибки отыскивающую контрабанду в самых невероятных местах. Нюх у Тайги настолько тонок, что она может с одного, как говорится, захода указать на человека, даже просто подержавшего в руках контрабандный товар. И как бы востро ни держал ухо злоумышленник, острое чутье Тайги все равно его изобличит...

• • •

— Знаете, — сказал Крокодил после визита к пограничникам, — все-таки на границе чувствуешь себя в напряжении. Нельзя ли для смены обстановки познакомиться с чем-нибудь, успокаивающим нервную систему? Поговорить, к примеру, с человеком редкой профессии.

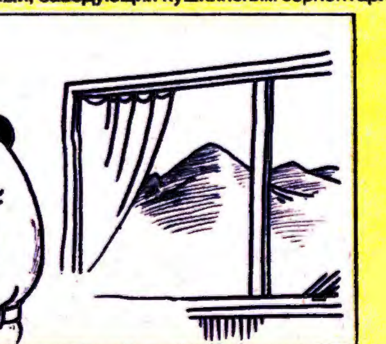
— Это можно, — легко согласились хозяева города и привезли крокодильскую бригаду к некоему строению, расположенному на окраине Кушки.

— Гостям всегда рад, — сказал, встречая гостей, хозяин строения и проводил их в сад. — Минуточку.

Юрий Орлов ловко выхватил чуть ли не из-под самой лапы Крокодила недовольно прошептавшую что-то кобру.

— Секундочку. — Орлов аккуратно убрал с тропинки томно свившуюся в колбасное кольцо гюрзу и представился: — Завзмеятником.

Змеелов, змеевод и змеевед, сам начальник и сам подчиненный, заведующий кушкинским серпентарием на змеях, как говорится, съел собаку. Больше четверти века Юрий Александрович Орлов добывает змей, ухаживает за ними в серпентарии и получает от них бесценный яд. Скольким людям сохранено здоровье с помощью этого яда? Он и сам не берется подсчитывать.

Был показан крокодильцам флакон с золотого цвета кристалликами, в котором находилось несколько тысяч лекарственных доз.

• • •

— Да, теперь я понимаю, почему в Азии слова «вода» и «жизнь» произносят одинаково уважительно, — сказал Крокодил, открывая сорок шестую за этот день бутылку нарзана. Но это относилось не только к шипучему напитку. Крокодильская бригада сидела на берегу Мургаба, опустив зашипевшие при соприкосновении с водой натруженные ступни в прозрачную благодать реки, и обменивалась впечатлениями от услышанного и увиденного.

— Тридцать пять тысяч гектаров земли начнут плодоносить, когда будет заполнена новая чаша Сарыязынского водохранилища!

— На семидесяти двух тысячах улучшится водоснабжение!

— Обеспеченность влагой будет почти стопроцентная, а затраты на строительство окупятся всего за четыре с небольшим года!

— А знаете, сколько просуществует это море? — спросил москвичей главный морестроитель, начальник ПМК-20 треста «Мургабремводстрой» Какаджан Овезов.

— Ну-у, лет пятьсот, — предположил фельетонист.

— Тысячу! — рубанул художник.

Сам Крокодил, предчувствуя какой-то подвох, промолчал.

— Пятьдесят лет, — огорошил бригаду сатириков Овезов. — Да-да, всего пятьдесят. Мургаб несет столько ила, что за полвека полностью заполнит им всю чашу.

— И что потом?

— Построим еще плотину. В новом месте, выше той, которую мы заканчиваем сейчас. И снова наполнится Сарыязынское море. Только будет оно еще больше этого.

На берегах рукотворного моря шумели травы такой высоты и силы, что и впрямь казалось: верна поговорка о том, что каждая капля воды здесь живая...

• • •

Последние часы на крайней южной точке нашей Родины крокодильцы провели в подсчетах и загибаниях пальцев.

— Сколько же раз мы удивились? — задался вопросом Крокодил и в конце концов сбился со счета.

В список поразившего воображение, кроме того, о чем мы успели рассказать, вошли: история создания самого южного памятника Советскому Воину — он был воздвигнут по проекту и руками самих пограничников. Повествование о том, как был разбит и уничтожен лютый враг здешних мест — печально знаменитая пиндинская язва. В блокноте Крокодила остались факты и цифры о высочайших урожаях овощей и фруктов там, где совсем недавно была мертвая, прокаленная веками бесплодная пустыня...

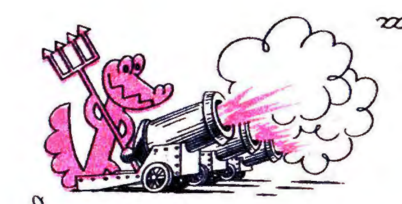
Во втором путешествии Крокодила сопровождали специальные корреспонденты Е. МИЛУТКА и А. ЯЧМЕНЕВ.

Да, подумал Крокодил, вновь просмотрев свой дорожный блокнот, хоть и немало поистине удивительного на юге, но и это для бюро предъюбилейных добрых услуг может оказаться недостаточным.

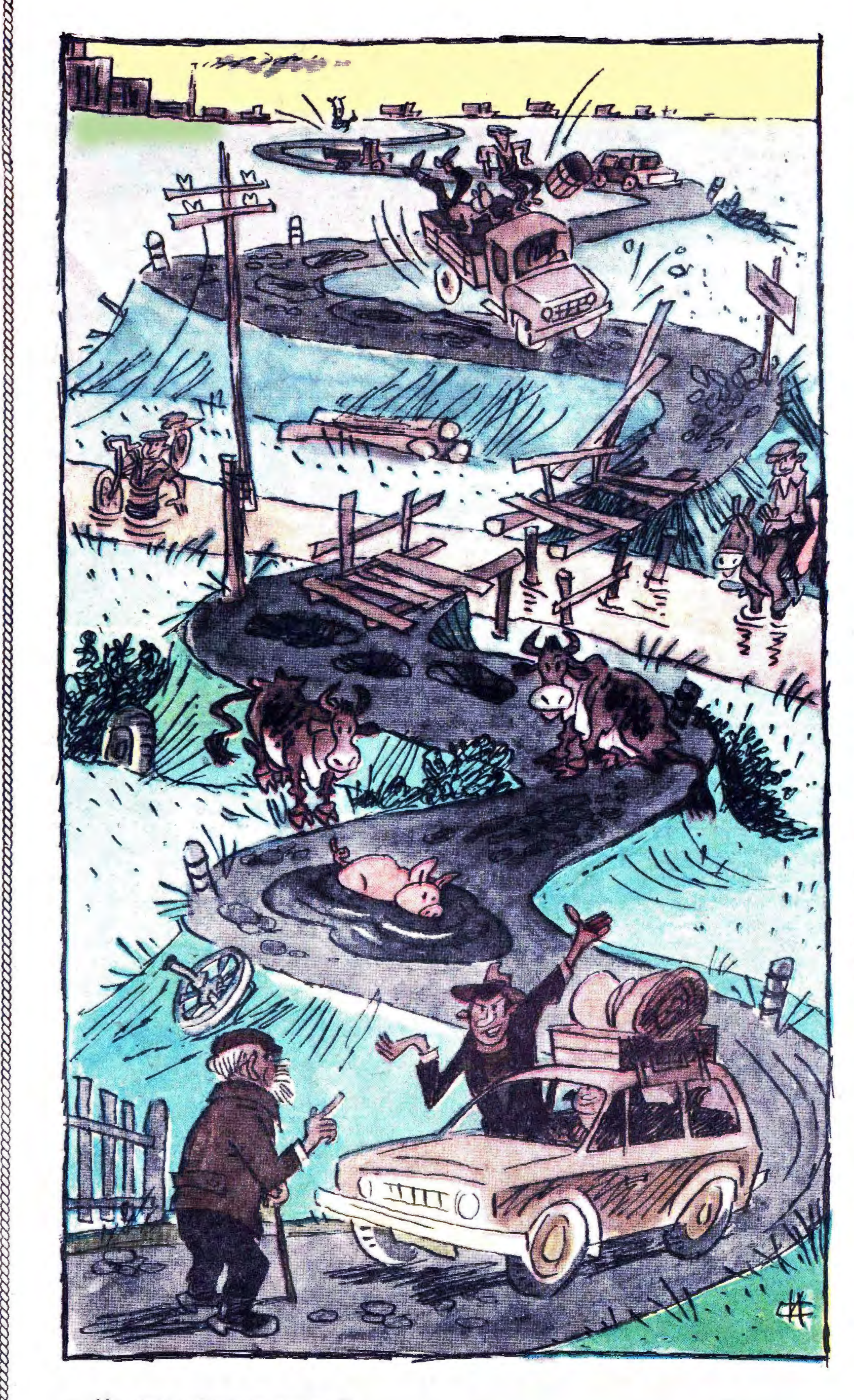
И он решил лететь на запад.

СМ. СТР. 11.

Крокодильский изозал

— Ну, как провели отпуск?
— В дороге. Успели добраться до шоссе — и назад!

Рисунок И. СЫЧЕВА.

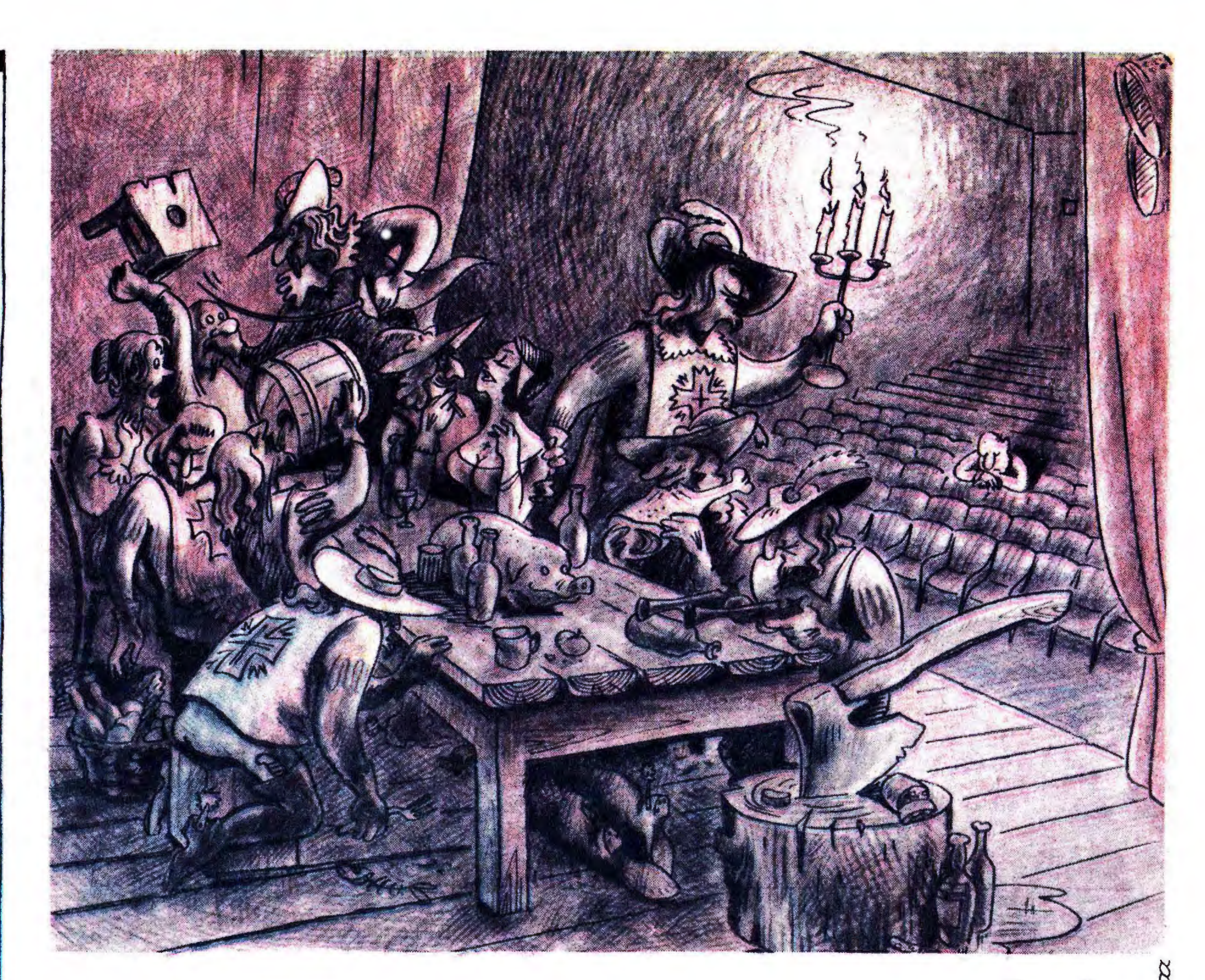

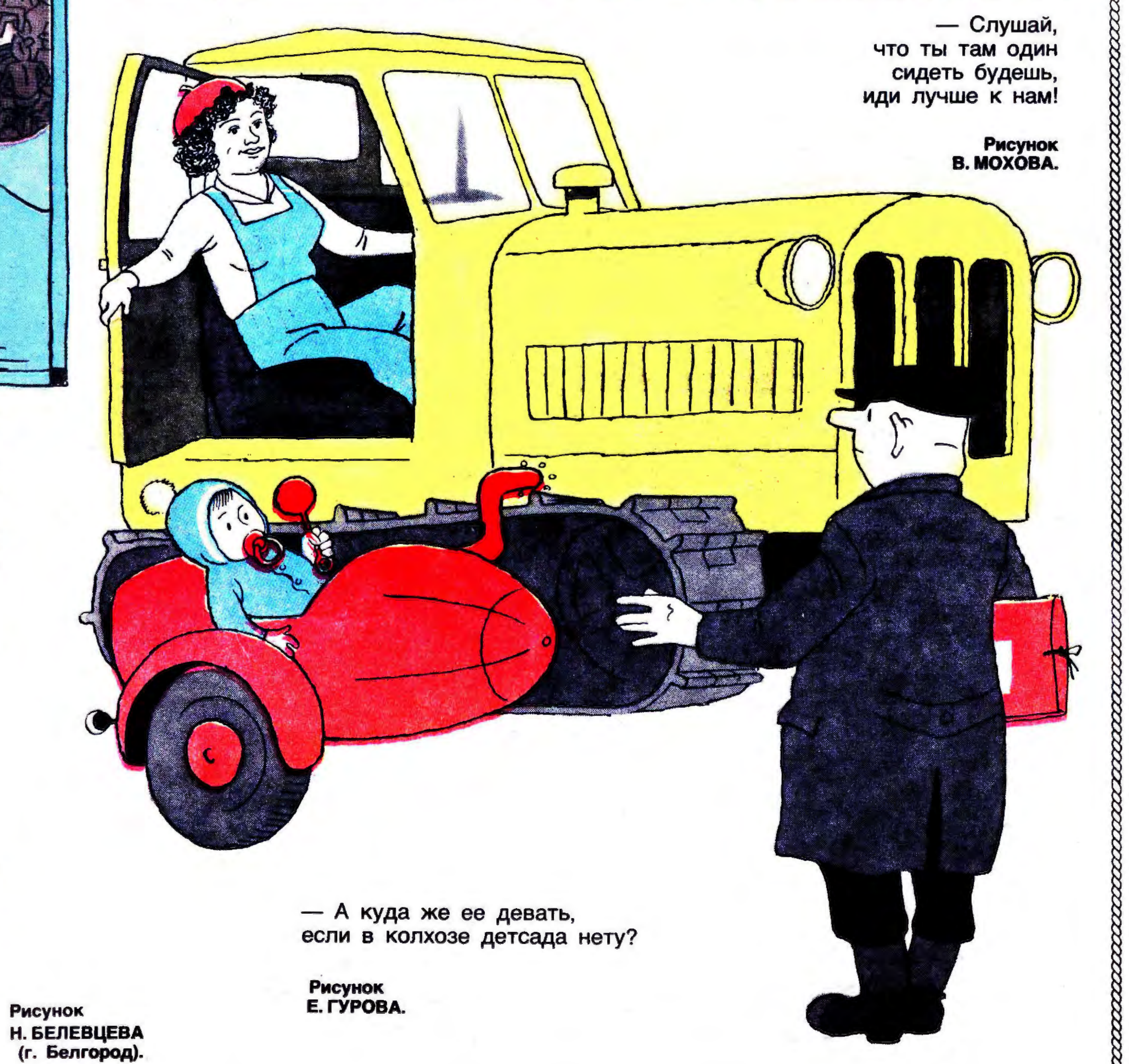
Рисунок Г. АНДРИАНОВА.

— И здесь, царевич, мы не сумеем высадиться!

Рисунок Н. БЕЛЕВЦЕВА (г. Белгород).

— Слушай, что ты там один сидеть будешь, иди лучше к нам!

Рисунок В. МОХОВА.

— А куда же ее девать, если в колхозе детсада нету?

Рисунок Е. ГУРОВА.

Мы уже писали о том, что третий год у нас работают литературный «Крокодильский Лицей» и Студия начинающих карикатуристов. Да и вообще последнее время в коридорах и кабинетах редакции (а затем соответственно и на страницах журнала) все чаще и чаще мелькают юные задорные лица. Сатирическая смена растет — «Крокодил» молодеет!

Эти рассказы написаны и проиллюстрированы теми, кто только что ступил на нашу нелегкую, но полезную для общества стезю.

Евгений ОБУХОВ

ШАБАШНИКИ

— Буду краток,— пообещал заведующий отделом Ситцяковский, грузно поднимаясь со своего места и оглядывая вяло перешептывающихся сотрудников.— Положение, значит, такое. План горит. На наши чертежи даже мухи не садятся, дохнут. А лаборатория за год сдала только полтора опытных образца, и те — в металлолом...

— А все потому, что лоботрясов много развелось! — встрял мэнээс Баукин, которому осталось два месяца до пенсии.

— Погоди ты с критикой, это у нас в следующем квартале запланировано,— отмахнулся Ситцяковский,— сейчас о плане подумать надо. Есть какие предложения?

— Есть у меня,— поднял руку главный конструктор Акаемов.— Когда, значит, в прошлом году у нас план того... скорректировали, а в соседнем отделе проект незавершенкой повисал, то мы, значит, им помогали... Все помнят. Так пусть теперь они нам подсобят.

— Ага,— сообразил Ситцяковский,— шабашников, говоришь, позвать? Та-ак. А они успеют в нашей специфике разобраться?

— С ходу разберутся. Бо-ольшие специалисты! — уважительно заверил Акаемов.

— А может, все-таки сами поднимем дисциплину, соберемся и...— опять встрял мэнээс Баукин, но на него дружно зашикали, и предложение Акаемова было принято единогласно.

На следующий день не спорили о футболе и не мечтали вслух о предстоящих отпусках. Даже телефон был свободен с самого утра. Сгрудившись в углу, сотрудники с удовольствием ожидали прихода шабашников.

— Теперь, может быть, и на магазины после обеда времени больше будет,— мечтательно говорила Черединская, отрываясь от вязания.

— Вполне возможно. Теперь у нас будет с кого работу спросить,— соглашался Дверцов, аккуратно складывая вчетверо листок, покрытый условными значками «морского боя».

— Пусть пашут,— заметил Хлабыстилов, отрываясь от очередного кроссворда.

Появившиеся вскоре шабашники, как и все на свете шабашники, вели себя солидно и по-деловому. Сам заведующий отделом Ситцяковский распределял их по рабочим местам, сверяясь с заранее составленным списком:

— Вы — к Черединской, вы — сюда, вы — вместо Хлабыстилова, вам — к Дверцову.

Рассадив всех, Ситцяковский кивнул:

— Ну, начали.

Толстый очкастый шабашник умостился поудобнее, достал вязальные спицы и неумело, но старательно орудуя заскорузлыми пальцами, стал вязать.

Двое других затараторили, словно бросая друг в друга горсти гороха:

— Ж-2?

— Убит!

— А-6?

— Мимо!

Еще один, грузный, кудрявый, занял телефон и принялся размеренно, монотонно читать:

— Да... Нет... Да... Кофточки давали... За грибами — только в Румянцево... Нет, Шавло промахнулся...

А бригадир шабашников разложил по столу все газеты за неделю и, изредка заглядывая в справочники, начал деловито заполнять сетки кроссвордов — сначала все подряд по горизонтали, а потом — все подряд по вертикали.

Заведующий отделом, стоя в проходе, благосклонно и самодовольно наблюдал за происходящим.

Тут же сгрудились и ошарашенные сотрудники.

— Ну, вот, значит...— вздохнул Ситцяковский,— как видите, самую трудоемкую часть работы взяли на себя шабашники. А вы давайте-ка займитесь проектом...

— Вот это да...— растерянно пробормотал Дверцов, мученически разглядывая полуготовый чертеж.

— Правильно в газетах пишут, что шабашники — большое зло,— сердито добавил Хлабыстилов.

— Точно! — кивнула Черединская.

И только мэнээс Баукин ничего не сказал. К нему шабашника не прикрепили, и он занимался тем же, чем и всегда,— работал за всех.

Евг. ЛЕДЯНКИН

УЛЫБКА ДЖОКОНДЫ

— Вот и все.— Великий Леонардо отложил кисть.— Можете отдохнуть, Мона Лиза. Кстати, чему вы так загадочно улыбались все это время?

— Простите, маэстро. — Джоконда улыбнулась.— Но у вас кончик носа в краске.

Георгий МОСКВИН

В ОДНИ ВОРОТА

Здравствуйте, дорогие товарищи!

Мы ведем наш репортаж с арены жизненной борьбы. Слева от нас находится столичная семья с родственниками и друзьями, справа — материальный жизненный поток в пространстве и времени. Нет пока еще лидера семьи, он должен родиться только сегодня, но семья уже разминается. Папа, несмотря на алмазное сердце мамы, помещает ее в барокамеру, дядя Вова по прямому проводу беседует с министром здравоохранения, тети Лида и Маша перекрыли железнодорожные подъезды к столице и жестко опекают базы «Детского мира». Чувствуется, что вся семья отлично подготовлена к встрече с жизнью, и специалисты утверждают, что силы могут оказаться неравными.

Внимание! На арене появляется Борик. Он только что родился, данные у него прекрасные, настроение боевое. Итак, Борик издал первый крик, и встреча началась!

Уже с первых лет семья с Бориком в центре прочно овладевает инициативой. Борик быстро продвигается по жизненному полю, минует ясли, детсад и закрепляется во французской спецшколе. Уже с детства Борик начинает приобретать замечательную форму. Трудно перечислить все ее компоненты: джинсы, шузы, батники, дубленка, часы «Сейко», на редкость развитые хватательные рефлексы, мощные голосовые связки и все прочее, позволяющее ему вести активное единоборство с жизнью. Специалисты не раз ставили в пример отличную материально-восстановительную базу семьи Борика.

Вот Борик оканчивает школу. Натиск семьи усиливается. Сейчас позиции жизни защищает декан факультета, куда собирается поступить Борик. Вот Борик уже в дверях факультета, хотя... кажется, он может провалиться на экзамене... Звонок дяди Вовы! Еще звонок! На этот раз звонила тетя Маша! Декан устоял! Какой захватывающий, напряженный поединок! Кто же, наконец, получит преимущество? И тут на помощь приходит дядя Петя. Он в одиночку совершает глубокий рейд в министерство, и... ректор принимает Борика. Красивая комбинация заканчивается взятием университета.

Поддерживаемый два раза в году согласованными и уверенными действиями всех членов семьи, Борик смело переходит с курса на курс. Вот он уже близок к окончанию университета, но вдруг... Ай-яй-яй! За нарушение режима Борик удаляется на пятнадцать суток. Выдержит ли семья столь неожиданный и коварный ход жизни? Да! Семья еще раз подтвердила свое мастерство, филигранную телефонную технику, и Борик уже через несколько часов вновь возвращается на арену.

После короткой борьбы Борик остается преподавателем в университете. Завладев этой позицией, семья пошла в решительную атаку, развивая успех и прессингуя по всему жизненному полю. Однако жизнь не только стойко защищается, но и переходит в стремительную контратаку. Борик, с отрочества увлекшийся автомобилизмом, сбивает на тротуаре старушку. На этот раз ему грозит длительное удаление. Кажется, теперь Борику и семье не уйти от поражения. Но на арену выходит вместо бессрочно выбывшего дяди Пети дядя Федя и делает Борику передачу. И какую передачу! Она, несомненно, войдет в учебники по криминалистике! В ней содержались не только весьма ценные для КПЗ вещи, но и квалифицированные инструкции. И судья вместо длительного удаления назначает Борику штраф.

Теперь уже Борика нелегко остановить — он идет лавиной. Закаленный и окрепший, он демонстрирует высочайшее индивидуальное мастерство, чудеса дриблинга: обходит одного сотрудника, другого... и ловким маневром защищает диссертацию. Зрители ревут. Первый период поединка подходит к концу, и победа Борика уже ни у кого не вызывает сомнений. Звучит решение ВАКа, и Борик уходит отдыхать и готовится к важному заграничному турне.

Мы заканчиваем нашу передачу с арены жизненной борьбы. Всего хорошего!

Сергей ЛИТВИНОВ

БУРКИН И МОРЕ ВОСХИЩЕНИЯ

Начальник отдела Буркин писал юмористические рассказы.

Он зачитывал их на работе, все смеялись и бурно выражали свое восхищение. Потому что Буркин был начальником отдела.

Однажды он принес рассказы литконсультанту Коршун-Ястребовскому. Тот тоже выразил ему свое восхищение, потому что тесть Буркина был слесарем в автосервисе.

Тогда Буркин отдал рассказы редактору Черкалову, и тот, в свою очередь, выразил свое восхищение. Потому что жена Буркина была завотделом магазина «1000 крупных вещей».

Рассказы издáли, и критик Варанский написал статью, в которой несколько раз выражал свое восхищение. Потому что Буркин угостил критика Варанского восхитительным ужином в ресторане «Перо».

После этого Буркин стал известен и даже начал вести семинар молодых юмористов. В семинаре занимаются Иван Петрович, Степан Давыдович и Зоя Филипповна. Они по очереди читают свои рассказы, и Буркин всем им выражает свое восхищение. Потому что Иван Петрович — брат литконсультанта Коршун-Ястребовского, Степан Давыдович — сын редактора Черкалова, а Зоя Филипповна — жена критика Варанского...

Иллюстрации С. БОГАЧЕВА, Г. ЗАСЛАВСКОЙ, С. РЕПЬЕВА, В. УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО.

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КРОКОДИЛА НА КРАЙ ЗЕМЛИ,

ТУДА, ГДЕ В ЯНТАРНОМ СКЛЕПЕ ЛЕЖИТ МУРАВЕЙ, ПОЧИВШИЙ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ МИЛЛИОНОВ ЛЕТ НАЗАД, ГДЕ ЖИВУТ ЛЮДИ, ЗНАЮЩИЕ, ГДЕ РЫБА, НЕСМОТРЯ НА ТО, ЧТО РЫБА ЗНАЕТ, ГДЕ ГЛУБЖЕ, И ГДЕ «ВЕЩЬ В СЕБЕ» СТАЛА НЕФТЬЮ ДЛЯ НАС.

В Калининградском музее янтаря нам растолковали, что один из первых признаков неподдельности камня — это инклюзии. То есть, например, какой-нибудь несчастный муравей, вляпавшийся в сосновую смолу в палеогеновом периоде и пребывающий по сию пору в прозрачно-каменном плену, как спящая царевна — в хрустальном гробу.

Так вот, если в нашем репортаже нет-нет да и мелькнут кое-какие критические инклюзии, то такова уж наша сатирическая порода...

КРОКОДИЛ СРЕДИ ВОЛКОВ (морских)

В 1945 году новая область Российской Федерации лежала, засыпанная руинами и кирпичной крошкой. Началось великое заселение. Надписи на карте области выдают происхождение первопроходцев — Ярославское, Саранское, Костромино, Калужское, Мордовское, Рязановка, Пензовка... И не скроем, наши московские сердца сладко екнули, когда на указателе мы прочитали родимое «Сокольники».

Вот так, по велению исторических судеб, Калининградская область заселилась народом легким на ногу, охочим к перемене мест, склонным к дальним вояжам. Они и по воде передвигаются, яко по суху — далеко и бесстрашно. В 1948 году первая экспедиция калининградских рыбаков вышла далеко в океан. Промышляли в те времена одну сельдь, и то помалу. Макрорус и хек еще плавали во глубинах, беды не чуя. Бельдюга даже не подозревала, что ее так обзовут. Но шли годы, флот крепчал и уходил все дальше в Атлантику.

В управлении Калининградской базы тралового флота мы встретились с морскими волками. В зале сидели седовласые кряжистые капитаны и расчетливые портовые экономисты. Рассказывая им о «Крокодиле», крокодильцы то и дело разворачивались левым своим бортом к аудитории, поскольку в окнах справа сияла и переливалась экзотическая панорама порта. Мы не могли отвести сухопутных наших очей от скопления рубок, тралов, мачт, шлюпок, палуб и прочей водоплавающей романтики.

— Нравится? — перехватив наш взгляд, сказал партработник Г. А. Дмитринок. — А нас эта теснота не радует. Многие списанные суда годами захламляют порт. Давно пора им в металлолом, а не берут. Хотя бы вон те две посудины — видите?

Одного из крокодильцев этот факт настолько удивил, что он внес в наш репортаж стихотворную инклюзию в духе Владимира Владимировича:

Разговор у калининградского причала списанных траулеров «Казань» и «Паллада»

Жизнь,
бурли, как море в девять баллов!
Время,
чайками лети — за годом год!
Пара траулеров
ропщет
у причалов:
то один вздохнет,
а то другой вздохнет.
Говорит «Казань»:
«Ох, наказание!
Я ржавею.
Разве справишься с водой?
Мне в мартен бы:
я бы судном стала
заново!
Не стояла бы
казанской сиротой!»...
Ей в ответ «Паллада»:
«Зря страдаем!
Где мои былые
бак да ют?
Нету дела
до богини
разгильдяям!
И за что им только
премии
дают?
Экипаж
досуг мой
охраняет.
Рыбаки!
На них же
в море спрос!»...
Помолчат
и снова застенают:
«Караул!
Не режут!
Гибнем!
SOS!»

Заодно наши слушатели зацепили и другие проблемы, которые мешают им нормально трудиться.

— Нет, вы подумайте, — возмущалась инженер-технолог Надежда Константиновна Кушевская, — во время лова судно иной раз десятки дней ничего не делает, болтается на месте — ждет горючего и рефрижератора для перегрузки улова. Напишите, пожалуйста, об этом.

— Да-да, это тема! — подхватил другой инженер-технолог, Александр Владимирович Минаков. — Абсурдная диспропорция: за последние годы рыбодобывающий флот стал намного мощнее рыбоприемного! В океане некуда выгрузиться.

Крокодильцев весьма удивили такие парадоксы планирования.

ПОДПИСЧИК СО СТАЖЕМ

В колхозе имени М. И. Калинина Крокодил попросил библиотекаршу отыскать самого многолетнего читателя «Крокодила», а сам тем временем принялся интервьюировать Петра Лукича Комарова, председателя колхоза.

Оказывается, колхозники не желают подчиняться диктату меридианов и параллелей. Время они исчисляют по долготе Москвы, хотя живут куда западнее, а урожай собирают по широте Черноземья. Тридцать два центнера зерна с гектара сняли они в прошлом году со скудных своих почв вопреки мокрым делам стихии!

— Ну, а как проблема молодежи в колхозе? Уходят? — участливо поинтересовался Крокодил.

— Уходят, — весело подтвердил Петр Лукич. — Из города к нам уходят!

И тут на пороге правления появился симпатичный человек в ужасном состоянии. «Что стряслось с беднягой?» — удивились мы.

— Петр Епифанович Кучеров. Инженер по технике безопасности, — представился он. — Да, подписчик. Сколько лет? В тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, когда я работал в Кемеровской области, я впервые подписался на «Крокодил». И потом, куда бы ни приехал, первым делом оформляю подписку на ваш журнал. Мое мнение? Я сибиряк, человек прямой, говорю только то, что думаю. Так вот, журнал за последнее время стал лучше, тематика шире, злободневнее...

Тут мы поняли, что Петр Епифанович прямо-таки влюблен в наш журнал и, подобно всем влюбленным, несколько перебарщивает в комплиментах.

А теперь вернемся назад и скажем, в каком виде предстал перед нами Петр Епифанович на пороге правления. Он был бледен, глаза его блуждали, ноги подкашивались, страх был написан на челе его. Оказывается, запыхавшийся посыльный пригласил его такими словами: «Срочно к председателю! Приехали корреспонденты «Крокодила», тобою интересуются». И человек, всем сердцем преданный нашему журналу, решил, что чтимый им сатирический меч по зловещей иронии судьбы навис над его собственной безвинной головой. Да, согласитесь, тут есть от чего потерять самообладание!

КОЕ-ЧТО О ПРИТЯГАТЕЛЬНЫХ СВОЙСТВАХ ЯНТАРЯ

Вспомним школьный опыт — потерли янтарь о шерсть, приложили к кусочкам бумаги, и что произошло? Верно, память в порядке — янтарь притянул бумагу. Есть и в янтарной области какая-то своя приятца и особая притягательность. Вот почему Аэрофлот к пятнадцати маршрутам в Калининград протянул этим летом еще две голубые ниточки — из Иванова и Куйбышева.

А вот фестиваль «Янтарное ожерелье» привлек в Калининград деятелей искусств чуть не со всего

Союза. В честь 60-летия образования СССР самую западную область страны попотчевали недавно своим мастерством Вильнюсский струнный квартет имени Чюрлёниса, ансамбль скрипачей Сибири, солист ГАБТ, народный артист СССР Александр Ведерников, эстонский ансамбль «Хортус музыкус», что в переводе означает «Сад музыки», Минский камерный оркестр и многие другие таланты.

* * *

В Кенигсберге прожил всю свою жизнь знаменитый философ Иммануил Кант, автор теории о непознаваемой «вещи в себе» и постижимой разумом «вещи для нас». Будучи несгибаемыми материалистами, крокодильцы тем не менее почтительно обнажили головы у могилы великого идеалиста. Мы подумали, что, если бы Кант сейчас выбрался из-под своего каменного надгробья, его бы ошарашили кое-какие сюрпризы. Например, недра Прибалтики, бывшие для Канта непознаваемой «вещью в себе», раскрылись для калининградцев, и нефть, таившаяся веками в районе города Гусева, стала нефтью для нас.

Ну, а что касается кое-каких досадных отрицательных инклюзий, то калининградцы полны решимости выковырнуть их, так сказать, из янтаря жизни. Обязательно! В порядке категорического императива, как говаривал старик Кант.

В третьем путешествии Крокодила сопровождали специальные корреспонденты Е. ВЕРБИН и М. ВИЛЕНСКИЙ.

Блокнот Крокодила уже распирало от записей, но несколько чистых страниц в нем все же оставалось. И, вспомнив, как сурово давали ему задание в бюро предъюбилейных добрых услуг, он решил слетать на восток.

СМ. СТР. 13.

ОСЕДЛАВ МАШИНУ ВРЕМЕНИ...

Предлагаю — быстро и оперативно, в хорошем крокодильском стиле, оседлав фантастическую машину времени, слетать к истокам нашего журнала и посмотреть, как начинался «Крокодил» шесть десятилетий тому назад.

...Август 1922 года. Небольшая комната на четвертом этаже старинного здания в Охотном ряду. В нем находятся редакция и издательство московской «Рабочей газеты». (Теперь на месте этого здания высится огромная гостиница «Москва». Исчез и Охотный ряд с его приземистыми домишками и пестрыми, неопрятными лавчонками — уже много лет здесь шумит и переливается всеми цветами радуги нарядный проспект Маркса.)

За двумя сдвинутыми вместе столами сидят несколько человек. Это прославленные мастера советской сатиры: Дмитрий Моор, Михаил Черемных, Иван Малютин, Василий Лебедев-Кумач, другие художники и поэты. Тут же в уголке примостился и автор этих строк. Он с любопытством наблюдает за происходящим, хотя, естественно, не может знать, что именно ему, единственному из присутствующих, суждено рассказать об этом через шестьдесят лет в юбилейном номере пока еще не родившегося «Крокодила».

Что же здесь происходит?

Все взоры устремлены на спокойно покуривающего трубку широкоплечего и загорелого мужчину с наружностью бывалого морского волка. Это легендарный дядя Костя, Константин Степанович Еремеев, — большевик старой ленинской гвардии, один из организаторов и редакторов дооктябрьской «Правды», участник Октябрьского вооруженного восстания, знаменитый «солдат Еремеев», командующий Петроградским военным округом в первые дни Советской власти. Сегодня он редактор массовой «Рабочей газеты» и ее еженедельного иллюстрированного приложения.

Влажные типографские оттиски этого самого приложения в настоящий момент и лежат на столе перед дядей Костей, а возле него нервно топчется директор издательства.

— Константин Степанович, — говорит директор, — больше мы тянуть не можем. Машины стоят, типография ждет. Давайте название журнала.

Еремеев поднимает глаза на директора, некоторое время задумчиво на него смотрит и снова обращается к оттискам. Все молчат.

Потом дядя Костя вынимает изо рта трубку, не спеша выколачивает ее о ножку стула, снова набивает табаком, чиркает спичкой, выпускает голубоватый клуб душистого дыма, машет на него рукой и произносит:

— Крокодил. Я за предложение Гессена.

Тут я должен сделать небольшое отступление. Дело в том, что воскресное приложение к «Рабочей газете» было любимым детищем Еремеева, отдававшего ему уйму времени, энергии, выдумки. В приложении печатались фото, зарисовки, очерки, а также и сатирические материалы — фельетоны, карикатуры, стихи. Этот последний раздел, веселый и задорный, был особенно близок сердцу дяди Кости, который и сам как журналист был не чужд жанру фельетона. Неудивительно, что сатирическая часть еженедельника неуклонно расширялась из номера в номер, и вскоре приложение превратилось в самый настоящий сатирический журнал, которому не хватало только своего имени.

Весь редакционный коллектив напрягал фантазию в поисках подходящего названия. Перебрали, пожалуй, все существующие предметы, обладающие колющими и режущими свойствами, — Колючка, Шило, Клещи, Заноза, Жало, Крапива... Все это было дядей Костей решительно отвергнуто. Тогда пошли в ход всевозможные жалящие и кусающие представители зоологического мира: Оса, Шмель, Комар, Скорпион, Овод, Волкодав и даже... Крокодил. Последнее предложение внес под общий смех и иронические возгласы член редколлегии «Рабочей газеты» Сергей Гессен, совсем молодой журналист.

Несмотря на непререкаемый авторитет дяди Кости, против «Крокодила» посыпались возражения. Наперебой говорили о том, что читатель не полюбит журнал с таким отталкивающим названием, что крокодил несимпатичен, неприятен, безобразен...

— Зато зубаст, — отрезал Еремеев. — А насчет всего прочего, то именно от вас, художников, поэтов, фельетонистов, зависит сделать «Крокодил» симпатичным, близким, дорогим. От вас зависит, чтобы читатель по достоинству оценил и полюбил нашего «Крокодила». Одним словом, «Крокодил»!

Вот так родился «Крокодил», и так мы, присутствовавшие при этом, стали первым поколением крокодильцев.

...И снова неудержимо мчится наша воображаемая машина времени, возвращаясь теперь в 1982 год. По сути дела, она в короткие мгновения повторяет весь путь, проделанный «Крокодилом» за шесть десятилетий*.

Весело мигают крохотные лампочки воображаемого электронного пульта; с бешеной скоростью прыгают цифры символического счетчика, обозначающего годы и десятки лет; в наушниках несуществующего шлемофона звенят, шумят, гремят, попискивают голоса проносящихся событий века — и бодрые гудки пятилеток, и задорные песни молодежных бригад, и рев орудий Отечественной войны, и залпы победных салютов, и жизнерадостное гудение могучих электростанций... Хорошо! Правда, сквозь эту прекрасную симфонию пробивается и бессильно-злобный вой наших недругов из-за рубежа и обиженное взвизгивание ущемленных «Крокодилом» бюрократов, жуликов, очковтирателей и прочей «внутренней» дряни.

А позади машины ярким, многокрасочным шлейфом стелются крокодильские тиражи. И в каждом из этих номеров — отражение жизни огромной страны сквозь творческую призму художников, фельетонистов и поэтов «Крокодила», прицельно бьющих по всему темному, косному и безобразному, что враждебно нашему общественному строю, что несовместимо с принципами советской морали.

В свое время Владимир Маяковский с гордостью говорил об «ассенизаторской» миссии своей поэзии. К такой же «ассенизаторской», то есть очистительной и оздоровительной, службе средствами сатирического разоблачения и осмеяния «мобилизованы и призваны» крокодильцы. Сбылось предвидение дяди Кости: миллионы людей подружились с «Крокодилом», увидели в нем помощника и защитника, полюбили за веселый нрав и непримиримость к недостаткам, за готовность прийти на выручку, защитить от зарвавшегося хама, бездушного волокитчика, оголтелого самодура. «Крокодил» завоевал всенародную популярность.

А когда на счетчике времени появилась цифра «1972», рядом с названием журнала возникло изображение ордена Трудового Красного Знамени — почетной награды, которой страна отметила пятидесятилетие журнала.

Есть такое хорошее слово «ровесник». Уважительное слово, благородное. И дополняется оно обычно тоже чем-нибудь достойным, значительным. Например, ровесник века, ровесник революции, ровесник победы.

«Крокодил» — ровесник Советского Союза. И при этом крохотная, но неотъемлемая частица советской истории, советской культуры, советского быта. В этом залог вечной молодости и долголетия нашего журнала. Так пусть он и впредь неусыпно несет свою сатирическую вахту. Пусть всегда будут глаза его зоркими, зубы — острыми, вилы — крепкими, удары — меткими! С юбилеем тебя, «Крокодил»! Позволь пожать твою честную, мозолистую лапу!

...Машина времени включает тормозную систему и совершает мягкую посадку у подъезда высокого современного здания, над фасадом которого установлены огромные буквы: ПРАВДА. Лифт поднимает нас на 12-й этаж, в редакцию «Крокодила». Просторный вестибюль, ряд светлых комнат, вместительный зал. В кабинете главного редактора на самом видном месте — портрет дяди Кости. Он улыбается.

Бор. ЕФИМОВ,
народный художник СССР.

---

* Сюжет рисунка: автор этого очерка — «водитель машины времени» улетел в 60-летнее прошлое, прихватил оттуда самого себя — молодого и вместе с ним возвращается в день сегодняшний (рисунок автора).

— А ты, голубчик, как вижу, опять без подарка?

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

ЧЕТВЕРТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КРОКОДИЛА НА КРАЙ ЗЕМЛИ,

ТУДА, ГДЕ МОЖНО ОБЖЕЧЬСЯ В РЕЧНОЙ ВОДЕ, ГДЕ КОЛХОЗНИКИ ЩЕГОЛЯЮТ В ТЕЛЬНЯШКАХ, ГДЕ НА РОВНОМ МЕСТЕ ВЫРАСТАЮТ ГОРЫ, ГДЕ ВСТРЕЧАЕШЬ ПЕРВУЮ УЛЫБКУ НОВОГО ДНЯ.

Крокодилу мечталось о многом. О головоломном серфинге на гребне цунами — сорокаметровой волны, несущейся на берег со скоростью реактивного самолета. Даже игривый подзаголовок виделся: «С нами — цунами». Мечталось о личном участии в грандиозном извержении вулкана и триумфальном возвращении домой с чемоданом, заполненным «волосами и слезами Пеле». Нет, конечно, не того всем известного бразильского футболиста, чье настоящее имя Эдсон Арантис ду Насименту. А мелкими кусками и нитями застывшего вулканического стекла, которые названы так в честь Пеле — богини огня древних канаков с Гавайских островов. Словом, мечталось хватануть на Камчатке экзотики через край.

И на первых же шагах — полнейшее разочарование. Прозаическое путешествие в колхоз, который и расположен-то (сказать неловко) в черте города Петропавловска!

Обнадеживало, правда, лиричное название бухты и поселка — Сероглазка. Уж и ручка наготове была, чтобы записать красивую ительменскую легенду о сероглазой рыбачке, тщетно прождавшей всю жизнь своего любимого, ушедшего в море. Но оказалось, что на сегодняшний день в обращении находится несколько легенд о Сероглазке, одна другой трогательней, сочиненных более расторопными собратьями по перу. Мы решили ограничиться былью.

ПАХАРИ МОРЯ

А быль предстала в облике нарядного, словно с картинки, моряка при полном параде. Да, да, именно таким оказался первый встреченный нами колхозник. И с этого момента экзотика пошла так густо, что только успевай поворачиваться.

Ну где еще вы найдете колхоз, угодья которого тянулись бы от мыса Лопатки до носа Чукотки?

На какой еще сельской вечерке вы услышите песни на двадцати языках?

Вы, гуляючи, выходите за колхозную околицу, и вас берет легкая оторопь, поскольку околицей тут служит морской причал и дорога от него одна — в Тихий океан.

Да, мы угодили в не совсем обычный колхоз, в рыболовецкий ордена Дружбы народов колхоз имени Ленина — прославленное на всю страну хозяйство, кормящее дарами моря три миллиона едоков.

Стабильность колхозных кадров тут поразительная. А если уж человек почему-то уходит, то на стол председателя сразу ложатся десятки слезных заявлений с просьбой принять в колхоз. И не только из-за весьма приличных заработков пахарей моря. Тут тебе в перспективе отдельная квартира с телефоном и прочими бытовыми прелестями. Роскошный Дом культуры. Своя отменная поликлиника: болей — не хочу!

— А с чего начинали! — улыбается один из ветеранов и организаторов артели, Сергей Иванович Новоселов. — Вспомнить смешно. Горстка бараков на бережку. А рыбачили как? Бригадир целый день на сопке сидит, в бинокль на море любуется. Наконец в воде бурое пятно. Косяк сельди, значит. Бригадир бегом вниз: забрасывай сети!

Конечно, забавно это вспоминать, когда у колхоза целая флотилия рыболовных судов — от могучих БМРТ до шустрых МРС-150, не считая катерка по кличке «Жучок», который тут заменяет традиционный председательский «газик».

— БМРТ колхозникам?.. — ужасались некоторые еще совсем недавно. — Большой? Морозильный? Рыболовный? Траулер? Это ж вам не плуг и не сноповязалка!

Но первый колхозный БМРТ, нареченный в честь родного села «Сероглазкой», вскорости выдал такой рекордный улов, что скептики еще по сию пору чешут в затылках.

В колхозном музее рыбацкой славы висят старые фото первых рыболовных «батов» — долбленых лодок вроде индейских пирог. А рядом — современный сюжет: Анатолий Карпов, почетный гость колхоза, озадаченно смотрит на выловленную рыбину, которая своим росточком не уступает чемпиону мира, не в обиду будь ему сказано. А на другой стене — десять портретов десяти колхозных кавалеров ордена Ленина.

Говорит председатель колхоза В. В. СВАТКОВСКИЙ:

— Мы всегда работали и нынче работаем на Продовольственную программу. Но проблем у нас хватает. К примеру, промысловый минтай — рыбка темная, он газет не читает и радио не слушает. И потому не знает, что должен регулярно идти в наши сети. Сезонность лова была и будет. А вот подстроиться к нам с приемкой рыбы и обработкой промышленность никак не может. Поэтому возникают потери. Обидные, нелепые, недопустимые... Похоже, нам самим пора серьезно задуматься о конечной обработке рыбы и доведении ее до потребителя.

МОРЕ ЗОВЕТ

— Нет, нет! И слышать не хочу! — мрачно отрезал кэп «Сероглазки». — Экипаж давно укомплектован! Я уже трем кандидатам наук отказал, а не то что журналистам!..

Потом-то нам разъяснили: случается, что в рейс изредка берут отдельных счастливчиков — работников умственного труда, мечтающих поправить свое материальное положение крепким рыбацким заработком. Не случайно же сорок человек из экипажа «Сероглазки» имеют свои автомобили.

Когда кэпу — капитан-директору БМРТ «Сероглазка» Петру Носичу объяснили, что Крокодил заглянул лишь познакомиться, все встало на места. И только было немного жаль, что не увидишь, как выбирают полный рыбы гигантский трал, в котором легко уместился бы десятиэтажный дом, как орудуют в трюме матросы-«пулеметчики», разделывая на балычковой машине десятки рыбин в минуту, как ярится за бортом океан, очевидно, лишь в шутку названный Тихим.

Ну кто бы мог подумать, что повальная мода на дубленки ударит по рыбакам? А ведь ударила. Когда-то овчинный полушубок не был проблемой. Теперь же полушубки оседают где-то вдали от океанских берегов.

— А попробуй поработай без полушубка в Охотском море при минус двадцати шести! — говорит Носич. — Пусть-ка прочтут об этом в «Крокодиле» наши хозяйственники. Хоть покраснеют, может.

Рыбаки свои суда с истинно морским шиком зовут пароходами. «Сероглазка» — старый пароход. Чуть ли не самый старый в «рыбном цехе» страны, на Камчатке. А порядок тут идеальный, и рыбы «Сероглазка» за год берет вдвое больше, чем новенькие БМРТ гослова.

— Мы же тут не гастролеры на рейс-другой! — улыбается кэп. — Пароход-то наш родной, колхозный!.. Что-то мы засиделись на берегу. Выйду в море, там я царь и бог! А тут жена командует: за хлебом сходи, ведро вынеси! Ну, каково это мне, капитану?..

О ТЕХ, КТО В ПОЛЕ

Если среди бела дня вы вдруг обнаружите, что в каком-нибудь солидном учреждении, в каком-нибудь там главке, тресте или институте никого нет, вы, пожалуй, гневно воскликнете:

— Да где же вы болтаетесь, дьяволы? За что вам только деньги платят?..

На Камчатке в Институте вулканологии АН СССР такое восклицание было бы неуместно. Тут деньги

сотрудникам платят как раз за то, что они не просиживают штаны в кабинетах, когда начинается полевой сезон. Уйти в поле тут совсем не означает, что ученые мужи гуртом отправляются на прополку репы в подшефном хозяйстве. Нет, поле деятельности вулканологов, геологов и петрологов — на вулканах и гейзерах. Камчатка для них — лакомый кусочек «живой геологии», единственный в стране.

— При всей любви и уважении к Крокодилу мы пока не в силах организовать для вас маленькое показательное извержение, — сказал замдиректора института В. И. Белоусов. — Хотя в будущем мы, безусловно, «одомашним» вулканы, заставим служить нам. Их могучая тепловая энергия завертит турбины электростанций. Это будет самая дешевая в мире энергия без дыма и топливных отходов!

Первая такая электростанция уже дает ток. Это Паужетская геотермальная. Крокодил же решил взглянуть на еще не укрощенные вулканы Ключевской группы. Кто знает, может быть, в следующий раз всю их знаменитую огнедышащую семейку уже впрягут в народное хозяйство.

С УВАЖЕНИЕМ К ИЗВЕРЖЕНИЯМ

Медведь тяжелым галопом уходит по гладкому базальтовому склону Ключевской сопки от нашего вертолета МИ-8, который ведет ас Камчатки Саша Сакаев. Мы везем почту на сейсмостанцию Апахончич, но попутно ас Камчатки пролетает, кажется, в считанных сантиметрах над зубчатым кратером мрачнейшего вулкана Шевелуч, из которого валит зловещий дым.

На Камчатке чуть не полтораста вулканов, и более двадцати из них действующие. Остальные потухшие или уснувшие. Этот, похоже, придремал. А вдруг он взбодрится от шума нашего МИ-8? Вулкан в отличие от человека всегда просыпается в мерзейшем настроении и тут же начинает шуметь, греметь и плеваться раскаленными камнями. Вот о чем думается, когда щелкаешь фотоаппаратом из открытого окошка-блистера. И еще некстати вспоминается до мельчайших деталей знаменитая картина Брюллова «Последний день Помпеи».

СМ. СТР. 15

С. СПАССКИЙ

КАК ОН ДЕЛАЕТСЯ

РЕПОРТАЖ С ДВЕНАДЦАТОГО ЭТАЖА РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО КОРПУСА «ПРАВДЫ», ЧТО НАПРОТИВ САВЕЛОВСКОГО ВОКЗАЛА

«Крокодильцы! Вы влезете во все сферы производства и человеческих отношений. А расскажите, как сами-то работаете? Как он делается, журнал? Поделитесь с нами по случаю своего юбилея».

Такие вопросы шлет нам любопытный читатель. Что ж, идя навстречу...

* * *

Все начинается с художественного отдела.

Среднестатистическ и й читатель, который прежде всего в «Крокодиле» рассматривает карикатуры, не мешкая согласится с этим.

Но дело в том, что не только жизнерадостной богемой карикатуристов ведает художественный отдел, а и держит непосредственную связь с издательством и типографией, подчас вступая в сложные дипломатические переговоры.

— Редакция! — категорически объявляет издательство.— Это не вы ли опоздали со сдачей рисунков на четыре часа? И почему так обильна правка гранок?

— Ваша правда,— смиренно признает редакция.— Подтянемся. Только и нам интересно: почему небесно-кадмиевый цвет на обложке Юрия Черепанова в процессе тиража преобразован вами в цвет вчерашних голубцов?

— Ах, не уводите разговор в сторону,— бдительно пресекает издательство. — Мы все фиксируем. Ждите санкций...

Чтобы свести на нет конфронтацию с типографией, художественный отдел периодически рождает шедевр, с которым мы впервые знакомим широкого читателя. Перед вами ежемесячный производственный график работы.

Попробуем расшифровать эту криптограмму.

Итак, слева — дни недели. Четверг обозначен рыбой, поскольку в нашей столовой это «рыбный день». В правом углу квадратиков — числа месяца. Остальные цифры — номера журнала. Рядом с номером — соответствующая операция производственного цикла. Случаются дни, когда в редакционной кухне варятся сразу четыре номера-блюда, и нужен глаз да глаз, чтобы не передержать каждое. Иначе хлынет поток писем с ехидным, как правило, запевом: «Что же ты, Крокодильчик? Всех критикуешь лихо, а себя?»

Пробежимся по основным операциям:

«ТЕМНОЕ» — это гвалт в Продолговатом крокодильском зале, куча эскизов, хохот, сменяющийся унылым молчанием... Это просмотр и утверждение десятков, а то и сотен тем для рисунков. От слов «тьма тем» получилось производное «темное».

Через полтора часа обсуждения у художественного редактора, читающего вслух подписи, язык заплетается, как у жэковского слесаря к концу рабочего дня. Редколлегия тупо созерцает очередную тему: дама нацепила на шею дорожный знак «Остановка запрещена».

— Свихнулась! — кратко резюмирует редактор. Тема «забадывается».

(«Забодать» — отвергнуть, возвратить автору. **Не по Далю.**)

«ХУДКОЛЛЕ» — уплотненное обозначение заседания редакционной коллегии журнала по утверждению рисунков. Не забоданные в свое время темы ныне воплощены в яркие карикатуры. Авторы ежатся: нелегко пройти сквозь строй внимательных глаз, выслушать порой ядовитые замечания коллег.

Разнообразен букет карикатуристов. Вот пунцовый, как рыночная черешня, отрок. Он скрывает свои годы, потому что только послезавтра пойдет получать паспорт, и он до жути боится, что вот сейчас ему скажут: «А ты чей, мальчик? Иди, мальчик, поиграй. Папа скоро освободится».

Вот мэтр Ефимов, наш старейший карикатурист.

— Нет, я свой возраст не скрываю,— улыбается Борис Ефимович.— Ставлю под каждым рисунком. Можете убедиться.

Действительно: «Бор. Ефимов, 82».

«ЛИТКОЛЛЕ» — теперь уже разгадать легко. Ну, конечно, утверждаются тексты: фельетоны, рассказы, стихи. Наряду с авторами тут держат круговую оборону редакторы отделов — экономического, международного, морали и права, отдела писем, литературного... Это они планировали, заказывали, отшлифовывали, сдавали в секретариат материалы (расшифруем, кстати, строку «ТЕКСТ В СЕКРЕТ»), которые здесь снова подвергаются всесторонней критике и подозрениям. Ведь фельетон должен бить только в яблочко, за любую неточность уцепятся впоследствии его герои. Не зря говорят, что сатирик неделю собирает факты, неделю пишет фельетон и два месяца отбивается от опровергателей.

И потому фельетонист — профессия редкая. Люди ищут занятие побезопаснее. Идут, например, в змееловы (см. стр. 7). Симбиоз следователя и писателя — вот что такое фельетонист. Гражданский гнев в нем обязан сосуществовать с чувством юмора.

И еще желательно, чтобы фельетонист знал все.

«ПЛАНЕРКА. МАКЕТ». Эти этапы сопровождаются вовсе не джентльменской пикировкой отделов. Все требуют максимум журнальной площади для публикации своих наиактуальнейших, архинужнейших, не терпящих промедления материалов.

— И что за мода пошла? — изумляется художественный редактор.— Рассказ — так обязательно на полосу, фельетон — семь страниц на машинке! Или краткость уже не родственница таланта?

— А когда целый разворот на рисунки уходит — это как? — огрызаются пишущие отделы.— А на обложках кто пасется?

— Брек,— пресекает ответственный секретарь. — Согласно перспективному и квартальному планам, а также учитывая всевозможные злобы дня, предлагаю раскидку текущего и ближайших номеров.

Он распахивает бумажные простыни — схемы грядущих номеров. Интересы всех отделов здесь ущемлены примерно в равной степени, значит, на секретаря обрушиваются скопом. Дребезжат оконные переплеты. В замочной скважине мерцает встревоженное око дежурного противопожарной охраны комбината «Правда».

Вмешивается главный редактор. Он вытаскивает секретаря из-под стула, стряхивает с него пыль. Проект принимается за основу и утверждается с выкличенными поправками. Ворча, участники планерки отправляются в столовую восстанавливать израсходованные творческие калории...

Но не все втиснешь в железную решетку графика. В нем не указаны дни на работу с письмами. Она просто идет всегда — параллельно остальным процессам и безостановочно. Ведь как организм погибнет без животворной кровеносной системы, так и Крокодил зачахнет без контактов с читателем. Читатель творит, советует, жалуется. Выносит на бумагу сокровеннейшее. Потому и княжат в отделе писем женщины — чуткая, внимательная, временами сентиментальная половина человечества. Письмо надо вскрыть, зарегистрировать, дать краткую аннотацию, переправить по назначению: консультанту, в отдел, в серьезную инстанцию для принятия мер. Отпечатать ответ, запечатать конверт.

Вот и трудятся две Веры, две Иры, две Лиды, две Наташи и одна Лена. А ведь обычные женщины, со средним здоровьем и хрупким телосложением. Читатель же нет-нет да и подкинет посылку, например, с бракованным силикатным кирпичом, который возмутительно выпускает местный завод.

С муравьиной самоотверженностью, волоком тащит это вещественное доказательство сотрудница по коридору редакции, и хорошо, если молодой и гераклоподобный спецкор Саша Ячменев не в командировке: поможет.

Кому пожалуешься? Читатель всегда прав, особенно в своей заботе о повышении качества стройматериалов.

* * *

Так себе, малозначимой оспинкой виделся на карте страны мизерный кружочек — символ рядового населенного пункта, но раскрыло его, приблизило к редакции тревожное читательское послание. В раздумье нацеливается спецкор шариковой ручкой на этот кружочек. Глаза вновь пробегают строки письма, а левая рука рефлекторно нашаривает телефонную трубку, чтобы связаться сразу и с райкомом этого пункта, и с аэрофлотскими кассами, и с бухгалтерией издательства: здравствуйте, Марина Григорьевна, а что, я еще успею сегодня оформить командировку?

* * *

И так шестьдесят лет подряд.

Москва.
Свердловский район.

Начало на стр. 13.

— В шестьдесят четвертом году тут была красотища! — Начальник местной вулканологической станции Н. А. Жаринов по-свойски тычет пальцем в кратер Шевелуча.— За час три миллиарда тонн камней выбросило!

— А не жахнет? — уважительно спрашивает Крокодил, косясь в окошко.

— Может,— обнадеживает собеседник, но тут же, впрочем, поясняет, что сейчас с помощью сети сейсмостанций пробуждение вулканов определяется довольно верно. Например, знаменитое камчатское извержение 1975 года на Толбачинском долу ученые Института вулканологии предсказали с точностью до минут.

Говорит замначальника вулканологической станции имени Левинсона-Лессинга А. П. МОИСЕЕВ

— Читать «Крокодил» начал раньше букваря. Особенно люблю мощные фельетоны, напоминающие извержение вулкана. Часто радует рубрика «Крокодил помог». Это говорит о том, что энергия журнала и его авторов в отличие от вулканов хорошо служит людям!..

ВМЕСТО «ДО СВИДАНИЯ»

И вот прощальный взгляд Крокодила на Камчатку с борта ИЛ-62.

Там в самом разгаре была «красная путина». Косяками шли к берегу лососевые. И надо было спешить, чтобы не остаться, как тут говорят, в пролове.

Мотало где-то в океанских просторах артистов местного драмтеатра, регулярно обслуживающих рыбаков в море.

Директор совхоза «Термальный» Г. Н. Милов в очередной раз окидывал хозяйским оком все шестьдесят тысяч квадратных метров тепличных огородов, согретых горячим дыханием камчатских недр. Там зрел местный огурец, наливался соком помидор, еще не так давно бывшие тут дорогими привозными деликатесами.

На сопке Никольской посреди Петропавловска гремел «Мануал» — вокально-инструментальный ансамбль жестянобаночной фабрики и срывала бешеные аплодисменты группа «Контрасты», исполнявшая танец «Дискомарафон».

На Крутогоровском рыбоконсервном предприятии снова показывала чудеса производительности труда работница А. А. Штемпелева, так ловко вручную разделывающая крабов, что предназначенная для этого машина сначала безнадежно отстала, а потом и вовсе вышла из строя. Консервы, как всегда, шли «фенси» — высшего сорта и лишь изредка «агрейд» — первого.

В общественной приемной газеты «Комсомолец Камчатки» начала свою работу «Служба доверия», и психиатр Олег Иммануилович Соловей объяснял интересующимся, что делать, если ушла жена или сын валяет дурака.

В центре Корякского автономного округа Палане распахнулись двери Школы искусств, организованной по инициативе композитора Д. Кабалевского. И маленькие камчадалы взялись лепить, плясать, рисовать и нажимать на клавиши.

На улицах расклеивали новые афиши о гастролях московского ансамбля «Девчата» и группы артистов Ленинградского академического театра комедии. И, верно, у здания городской библиотеки уже сняли скромное объявление о встрече Крокодила с работниками Камчатского Центра научно-технической информации. О встрече, где в адрес Крокодила прозвучали и теплые слова и дружеские пожелания.

В ресторане «Авача» салютовало шампанское, и второй помощник капитана Юра Лукин, весь в белом, внес на руках медсестру Марину Дурникову, тоже всю в белом. Праздновалось рождение новой камчатской семьи. И молодые — оба трогательные и красивые, словно сошедшие со старинного дагерротипа,— кружили в целомудренном вальсе.

«Он покажет вам альбом Камчатки,
Где культура только лишь в зачатке...» —

когда-то, лет семьдесят назад, иронически напевал Вертинский.

Ах, Александр Николаевич, если бы вы могли взглянуть на Камчатку сегодняшнюю! Честное слово, вы бы не то запели!

Не станем утверждать, что Камчатка может вернуть молодость. Но заряд энергии, бодрости и душевного здоровья Крокодил гарантирует.

В четвертом путешествии Крокодила сопровождали специальные корреспонденты Дм. ИВАНОВ и В. ТРИФОНОВ.

— Ну, — сказал Крокодил своим спутникам,— теперь-то уж, кажется, бюро предъюбилейных добрых услуг не к чему будет прицепиться!

И вся бригада с легким сердцем взяла курс на Москву.

— Это бюро предъюбилейных добрых услуг?

— Да. Это бюро предъюбилейных добрых услуг.

— Беспокоит Крокодил. Я по поводу вечной молодости. Вы мне обещали.

— Номер вашего заказа? Одну минуточку. Ага. Вот... Условия... Путешествие на Край земли...

— У меня целых четыре путешествия! В самые отдаленные точки страны.

— Отлично... Вы должны были удивиться...

— Я только и делал, что удивлялся. Удивлялся и радовался. Людям, событиям, просторам нашей Родины. Я налетал, наездил, наплавал, находил многие тысячи километров и теперь совершенно точно могу сказать: необъятна и богата наша земля, трудолюбив наш народ, каждый день страны «от Москвы до самых до окраин» наполнен удивительными подвигами...

— Все понятно. До свидания.

— Как до свидания?.. Позвольте... Вы обещали мне вечную молодость!

— Она у вас и у ваших читателей и корреспондентов есть. Пока вы трудитесь, ездите, удивляетесь — вы молоды. В этом секрет вашей молодости. Так что...

— На помощь! Меня обижают! — донесся голос из приемной.— Где Крокодил?

— Я здесь!

Крокодил бросил трубку, схватил вилы и поспешил на помощь Человеку.

КРОКОДИЛ

№ 24 (2394)
август

Главный редактор Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. А. АБРАМОВ,
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ,
А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора),
А. Б. ГОЛУБ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
А. П. КРЫЛОВ (художественный редактор),
Г. О. МАРЧИК,
Н. И. МОНАХОВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),
В. И. СВИРИДОВ,
М. Г. СЕМЕНОВ,
С. В. СМИРНОВ,
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ (зам. главного редактора).

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес:
101455, МОСКВА, ГСП,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, д. 14
Телефоны:
250-10-86, 212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 года

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Технический редактор Л. И. КУРЛЫКОВА.

Сдано в набор 22.07.82. Подписано к печати 29.07.82. А 05151. Формат бумаги 70×108 1/8. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Усл.-кр. отт. 11,20. Тираж 5620000 экз. (1-й завод: 1—3469193. Изд. № 1818. Зак. № 2902.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп. Индекс 70448.

Оформление Л. НАСЫРОВА.